

Макс Шервич

Великий
учитель

Макс Шервич
Великий учитель

«Издательские решения»

Шервич М.

Великий учитель / М. Шервич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931901-2

Бывает тяжело, когда тебя учат. Но когда поучают — становится невыносимо. Повесть «Великий учитель» рассказывает о мире, где единственная цель каждого человека — стать учителем, а единственно возможное занятие — учить, неважно чему и как. В этом мире почти невозможны диалоги, зато монологи раздаются на каждом шагу. И порою приходится защищать свой разум от тех, кто пытается его отравить, а душу — от тех, кто в нее лезет.../В книге представлены также другие произведения автора/

ISBN 978-5-44-931901-2

© Шервич М.
© Издательские решения

Содержание

Видения или сказки про то,	6
Как я был пассажиром	6
Как я был разведчиком	8
Как я был обвиняемым	9
Как я был политиком	11
Как я был верующим	13
Называеть	14
О вращении сфер земных	18
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Великий учитель

Макс Шервич

© Макс Шервич, 2018

ISBN 978-5-4493-1901-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Видения или сказки про то, как я был...

Как я был пассажиром или Трамвай «Дружба»

...Может, кто-то нуждался в моей помощи. Может, я в чьей-то. Не знаю, не помню. В любом случае, нужно было спешить. Я спешил, и ноги мои были сбиты в кровь.

И вот я в трамвае, и трамвай этот тронулся. Значит, я уже еду, мои ноги отдохнут, а мозоли подсохнут. Значит, я буду там, где нужно. Значит, я успею. И это хорошо.

Но здесь радость движения по рельсам начала затухать, а скоро и совсем исчезла. Подозрение появилось, и с ужасом оправдалось. Я вдруг резко и сразу осознал, что я пуст. Да, пуст грубо и материально. Я стал шарить себя по карманам. Ничто не шуршало и не звенело. Денег не было. А контроллер приближался. Медленно, тягуче и неотвратно, откуда-то из головы вагона...

Но я пока еще был богат морально. А может, даже и духовно. И, осознавая это, я решился на рискованное.

– Послушайте! – зычно воскликнул я, обращаясь вглубь трамвая, – Пассажиры! Люди! Братья! Извините, что я к вам обращаюсь! Я, конечно, человек не здешний! Но не могли бы вы – все – скинуться мне на проезд? Очень надо, поверьте! Мне просто очень нужно доехать. Быстро. Ведь пойди я пешком – все ноги бы стер. А мозоли, знаете ли, замедляют темп движения...

И тут произошло Чудо.

В трамвае обозначились Деньги.

Они зашуршали и зазвенели.

Все пассажиры, глядя на меня с уважением и сожалением, начали скидываться в шапку, которую вручили старичку-контроллеру. Подойдя ко мне, он со слезами на глазах произнес:

– Дружба! Как это прекрасно...

Я кивнул в знак согласия. И увидел, что вместе с билетом контроллер протягивает мне исписанный лист бумаги.

– Что это?

– Письмо Ивану Ивановичу! Он – мой друг! – воскликнул контроллер, – Передайте ему по адресу: Оренбург, улица Дружбы, дом 7, квартира 15.

– Мне выходить через две ... – заикнулся я, – Мне бы побыстрее и туда, куда мне нужно. А мои мозоли...

– Послушайте! – возвысил голос контроллер, – Все посетители этого трамвая сегодня – ваши друзья! Они за вас скинулись. А значит и вы – их друг! Наш друг, хотел я сказать!

– Да, Вы – наш друг! – подхватила тетя, сидящая у окна, – Вы – голубь мира! И посланник дружбы! Или посланец? Ну, не важно. Вот, возьмите!

С этими словами она протянула мне увесистую на вид сумку, которую распирало изнутри чем-то угловатым.

– Огурчики! – объяснила тетя, – В томатном соке. Моей подруге. Кате. Она их любит. Огурчики. Во Владивосток. Адресок я вам сейчас черкну...

...И вот я в поезде. В руках у меня – баул с письмами для друзей пассажиров. А три носильщика сзади тащат баулы с огурчиками, помидорчиками, колбаской и... Дружба – великая вещь. Чего не сделаешь ради друзей!

Я стал шарить себя по карманам. Билета не было. А проводник приближался. Медленно, тягуче и неотвратно, откуда-то из головы состава.

...Не знаю, не помню. Может, кто-то нуждался в моей помощи. Может, я в чьей-то...

Как я был разведчиком или уроки немецкого

Наконец-то это случилось! Я – выдающийся советский разведчик И.М.П... нко – проник в Волчье Логово. Сейчас я нахожусь в самом сердце врага, и от самого Гитлера меня отделяет каких-то 3—4 метра.

А Гитлер сегодня в ударе. Он прижимает локти к груди, энергично сжимает кулаки и тут же воздевает руки к небу. Капельки его слюны то и дело брызжут на громадную карту генштаба, расстеленную на длинном столе. Он кричит о наступлении армий группы «Юг» на Кавказ. Вокруг собрались почти что все видные нацисты. Вот тучный Геринг задумчиво и согласно кивает головой. Вот что-то сосредоточенно записывает в блокнот Геббельс, наклонив свой гладкий, громадный череп. А вот и я, просто внимательно слушаю. Как много мне сегодня нужно узнать! Как много информации нужно передать в центр! Одна беда: я совершенно не знаю немецкого языка.

«Und der nichtmitdem und der velkoven zungzviden!» – завершает свою речь Гитлер, упирает руки в бока и, поглядывая вокруг, удовлетворенно и самодовольно кивает головой.

Вокруг царит благоговейное молчание. Но тут беру слово я.

«Как?!» – спрашиваю, – «Повтори, Адольф, как ты сказал?»

Легкий шум пробегает по бункеру. Все присутствующие недоуменно оглядываются на меня.

«Und der nichtmitdem und der velkoven zungzviden...» – растерянно и уже безо всякого энтузиазма повторяет Гитлер, настороженно глядя на меня.

«Нет!» – говорю я, – «Не так! Не так надо! **Nichtmitdem**... Понимаешь? **Nichtmitdem!** На первом слоге ударение, не на втором! **Nichtmitdem!** **Nichtmitdem!**» – и я повторяю это слово, делая правильное ударение, несколько раз, чтобы лучше запомнилось.

Гитлер завороченно смотрит на меня, машинально кивая головой. На губах его выступает пена.

«Повтори!» – я, наконец, завершаю свою лекцию.

«Und der nichtmitdem und der velkoven zungzviden ...», – послушно повторяет Гитлер, делая ударение на первом слоге.

«Да», – говорю я, – «Хорошо! Именно так...»

«Да и у всех вас, господа», – я, барабая пальцами по столу, обращаюсь к генералам, – «Беда с немецким. Просто беда. Надо что-то делать.»

Левая рука Гитлера начинает конвульсивно подергиваться.

«Мой фюрер», – я щелкаю каблуками и подаю Гитлеру пакет, – «Прошу рассмотреть проект о создании высших курсов по немецкому языку для офицеров вермахта и членов НСДАП»

...За толстой металлической дверью, которую я запер на три оборота, раздается взрыв. Из зала стенографии доносится несмолкаемый треск печатных машинок. А за окном весною дышит зелень...

Как много еще нужно успеть сделать. Как много...

Как я был обвиняемым или закат наркомафии

Дверь распахнулась неожиданно (никакого стука я не слышал), и в мою комнату бодрым, самоуверенным шагом вошли трое. Первый – одетый в милицейскую форму – сразу встал у двери, второй – одетый по-граждански – занял позицию у окна. Третий остановился напротив меня. Одет он был также в гражданское – строгий деловой серый костюм.

– Исраилов Джебраил Ахмедович? – спрашивает меня третий.

– Где? – я с недоумением осматриваю вошедшую троицу.

– Исраилов Джебраил Ахмедович, – уже утвердительно объявляет третий, – вы...

– Кто? Я? – тут я понимаю, что произошло недоразумение, – Какой же я Исраилов, а тем более Джебраил? Вы на лицо мое посмотрите!

– Перестаньте морочить нам голову своим лицом, господин Исраилов! – устало говорит третий, – Вы арестованы!

– А может, хотя бы документы мои посмотрите? – робко спрашиваю я, – Вы же это любите ... «Ваши документы, товарищ...» Или как теперь? Господин?

– Мы это любим? – вопрошает третий у второго, который стоит у окна.

– Любим, – тот согласно кивает головой.

– Показывай, – нехотя соглашается третий.

Я бросаюсь к шкафу, в котором находятся мои документы.

– Ведь какая здесь логика, – вслух рассуждаю я, лихорадочно роюсь в куче различных бланков и договоров, – Какая здесь логика... Вы смотрите на мое лицо, потом – на фотографию в документе, а затем – читаете мои фамилию-имя-отчество. А они указаны рядом с фотографией. И там написано – Петренко Иван Михайлович. Это я, понимаете, я! И вовсе никакой я не Исраилов Джебраил Ахмедович! Вот!

Я протягиваю своему обвинителю первый попавшийся документ, облаченный в твердую красную обложку, с важным названием, отчеканенным золотыми буквами: «Удостоверение».

– Так, – произносит обвинитель и начинает читать вслух, – Петренко Иван Михайлович.

– Да, – подтверждаю я, – Это я.

– ... с 4-го апреля 2005 года по 4-е октября 2005 года посещал курсы английского языка при лингвистическом центре «Оазис» ... И где фотография?

– Нету, – упавшим голосом отвечаю я, – Здесь ее нету. Какая же может быть фотография в таком удостоверении?

– Так какого черта ты его нам суешь? Посолиднее есть что-нибудь?

– Есть, – отвечаю, – Наверное... Вот. Загранпаспорт подойдет?

– Валяй.

Я подаю загранпаспорт.

– Так, – декларирует обвинитель, – Петренко Иван Михайлович.

– Да, – подтверждаю я, – Это я.

– Место рождения: гор. Фрунзе. Заметьте: сравнительно недалеко от Чуйской долины. Так, дальше... Издеваешься, тварь?!!

Паспорт летит мне в лицо. Я успеваю его перехватить. Что такое? Ага! Господи, как мне плохо! Фотографии нет! А впрочем...

– Извините, – говорю я, – Этой мой бывший загранпаспорт. Он просрочен. Но зачем они удалили мою фотографию? Я не знаю... Бюрократы, сволочи, чинуши проклятые...

Твердая рука ложится на мое плечо, но я упорно продолжаю рыться в документах и фотографиях. Я выкидываю их на пол пачками.

Вот обычный паспорт. Я краснею, бледнею, я шатаюсь, и меня тошнит. Фотографии нет!

Вот школьная виньетка. С фотографиями, конечно. Учительница первая моя. С фотографией. А вот и моя первая любовь: Катя Матвеева. Красивая девочка. С фотографией. А вот и я... Господи, Боже мой!

Виньетка падает на пол. Меня бьет озноб. Где-то я такое уже видел. Ну конечно, на заброшенных могилах. Имя, фамилия, отчество. А выше – пустота, огороженная овальной, потускневшей рамочкой.

– Но ведь это же я, – тупо повторяю я, сгорбившись и тыкая пальцем в серое пятно, подписанное моими ФИО, на виньетке, – Это же я...

– Конечно, вы, – успокаивает меня обвинитель и ласково подталкивает к выходу, – Ну, конечно же, вы, Джебраил Ахмедович... А вы как думали? Сколько веревочке ни виться... Ну, и слава Богу! Наркоторговля без вас зачахнет...

Как я был политиком или жертвоприношение

...Это был небольшой городок, в котором жили люди разных национальностей. Жили они дружно, друг друга не притесняли и всегда старались находить общий язык и общие интересы. В этом городе жил и я. И пользовался там большим уважением среди всех его жителей независимо от их национальностей.

Но пришло время бросаться камнями. Все жители городка разбились по национальному признаку на отдельные общины и стали вооружаться, для того, чтобы искоренить всех остальных, инородных жителей города. Замелькали топоры, косы, вилы и другие колюще-режущие предметы.

Однако, даже в это смутное время уважение ко мне не померкло. Ко мне приходили представители всех общин и диаспор с просьбой поддержать именно их в борьбе против остальных инородцев.

Приходили украинцы. "Иван Михайлович!" – говорили они мне – «Ведь Вы же украинец! Дались Вам эти москали и прочие кацапы! Геть их отседа! Присоединяйтесь к нам!» «Одумайтесь!» – отвечал им я – «И не гневите Бога своими безумными речами!» «Ну-ну» – говорили мне – «Мы, конечно, Вас уважаем... Но опасайтесь шальных пуль. Если чо.»

Приходили узбеки. "Иван Михайлович!" – говорили они – «Ведь вы же родились в Ташкенте. Мы Вас окружали с самого детства. Зачем Вам остальные? Будьте с нами!» «Вы понимаете, что говорите?» – вопрошал их я – «Покайтесь!» «Человек Вы, конечно, хороший» – отвечали мне – «Но сидите уж лучше дома, когда все начнется...»

Приходили даже аварруматы и сассиянцы и просили помочь им избавиться ото всех прочих представителей человечества, которые не могут похвастать столь древними культурой и цивилизацией как их собственные...

И вот все началось. На главную площадь города (которая, очевидно, должна была стать полем битвы) стали стекаться толпы. Люди потрясали оружием и выкрикивали гневные лозунги. Но я не стал отсиживаться дома. Я вышел на площадь, прошел в самую середину и взобрался на кафедру. Крики стихли. Представители каждой народности с надеждой смотрели на меня, ожидая, что я все-таки принял решение поддержать именно их диаспору. «Хорошо!» – сказал я, – «Я помогу вам!». «Кому? Кому?» – раздались крики. «Кого здесь на площади меньше всего?» – спросил я. «Нас!» – радостно закричали аварруматы, – «Нас меньше всего!» «Понятно!» – сказал я. И выдержав паузу, закричал: «Бей аварруматов!»

Крики ликования накрыли площадь. Аварруматы были уничтожены во мгновение ока. Объединенные общим противником и только что одержанной над ним победой недавние враги целовались и обнимались. Впрочем, минут через пять эйфория прошла. Арабы с ужасом осознали, что только что обнимались с евреями. Китайцы стали плевать, когда поняли, что целовались с японцами. Толпа, только что объединенная общей радостью, снова распалась на отдельные кучки; снова поднялись в воздух колья и дрыны...

«Ну?» – спросил я, – «А кто теперь в меньшинстве?». «Ну, мы» – неуверенно ответил представитель сассиянской диаспоры, – «А к чему ты, собственно, клонишь?» «Бей сассиянцев!» – закричал я. Сассиянцы были повергнуты во прах, и повторилась старая история: недолгое единение, краткое ликование и повторный распад.

«И какая же диаспора самая малочисленная на данный момент?» – спросил я. Но на этот раз никто мне не ответил. В воздухе повисла гробовая тишина. «Тогда может быть хватит?» – воскликнул я – «Тогда, может быть, да здравствует мир?» И тут все радостно закричали: «Хватит! Хватит! Мир! Мир!», побросали на землю орудия убийства и, взявшись за руки, стали

расходиться по домам, напевая при этом народные песни о дружбе, любви и семейных ценностях.

Как я был верующим или Предельный Переход

Я стою на пороге православного храма. Яркий солнечный день. И тишина. Она прерывается лишь словами проповеди, которую читает внутри храма поп. . .

Я захожу внутрь. Солнце бьет лучами сквозь цветные стекла. Путь от порога к амвону устелен цветистым ковром.

Но внутри – пусто. Лишь я один стою на пороге, да священник, глядя куда-то за горизонт, продолжает читать проповедь. Кому он проповедует – неведомо, но слова его льются и льются монотонным потоком.

Однако меня это не огорчает. Даже, напротив, радует. Я не люблю толпы, и сейчас радуюсь тому, что могу познать божественные истины в одиночестве, ни на кого не отвлекаясь.

Служитель культа смотрит сквозь меня куда-то вдаль. Проповедует. Я пытаюсь вслушаться в его слова. Но внезапная тревожная мысль посещает меня. «А ведь сюда сейчас набегут люди! Они будут расталкивать друг друга, тесниться, пихаться локтями! Они будут отталкивать меня к выходу!»

«Нет», – говорю себе, – «Пока я один – нужно занять место получше»

И подвигаюсь поближе к архиерею.

Слова его проповеди все громче. Вот-вот я их пойму. Но – нет!

«Разве пять метров – это близко?» – спрашиваю я себя, – «Это далеко! И ведь сколько людей сумеют протиснуться между мною и проповедником, чтобы услышать его слова! А я буду оттиснут! Хотя и пришел раньше всех!»

И я продвигаюсь еще ближе. Вот уже вижу, как блестит митра на голове проповедника, и пытаюсь взглянуть в его убор. Вот уже начинаю различать узоры, рисующие жития святых, как вдруг!

«Чьи это голоса сзади? Что за шум?» – спрашиваю я себя и оглядываюсь. . .

. . . Но за спиной пусто и тихо.

Я оборачиваюсь обратно. Узоры поблекли, а слова утихли. Я подхожу вплотную к архиерею. Он смотрит сквозь меня.

«И зацветет миндаль, и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс»

И тут происходит ПРЕДЕЛЬНЫЙ ПЕРЕХОД!

Куда делся архиерей?! Я не толкал его, не теснил, не пихал локтями. Но его нет рядом со мной! Его нет вообще нигде в обозримом пространстве. . .

А на его месте стою я. И продолжаю – слово в слово – его проповедь.

«Доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разбился кувшин у источника. . .»

Тихо и солнечно. В церкви пусто. Пока. Но дверь приоткрывается. Кто-то заходит внутрь. . .

«И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу». . .

Называетель Скетч

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Петров Петр Петрович – называетель.
Пушкин Александр Сергеевич – писатель.
Гоголь Николай Васильевич – писатель.
Чехов Антон Павлович – писатель.

Занавес поднимается. Называетель сидит за столом.

Называетель. Следующий!

Заходит Пушкин.

Называетель (вскакивает с места, изумленно). Ба! Санек!

Пушкин довольно улыбается.

Называетель (восторженно смотрит на писателя, отодвигает для него стул). Присаживайся, Санек!

Пушкин присаживается.

Называетель. Ну, что нового?!

Пушкин. Да вот, повесть написал... А назвать никак не могу...

Называетель. Ну, что ж ты так... Чем могу – помогу. А про что повесть-то?

Пушкин. Про пугачевский бунт.

Называетель. И что? Сильный бунт был?

Пушкин. Да уж немало народу полегло...

Называетель. Это хорошо...

Пушкин. Да уж чего хорошего...

Называетель. Я в смысле – это интересно. Читательно. Ну, а главные герои – кто?

Пушкин. Один дворянин, и барышня – любовь его...

Называетель. Любовь – это хорошо.

Пушкин. Конечно, хорошо...

Называетель. Я в смысле – читательно... И что дальше?

Пушкин. Его – дворянина – облыжно обвинили в сговоре с врагом. А Маша – невеста – приехала его вызволять, в столицу...

Называетель. Типа пацана подставили, а она его отмазывать в Москву приехала?

Пушкин. Что?

Называетель. Да это я так... В столицу приехала, да? А работы нет, да? А кушать хочется, да? ... Старая история. А она откуда? С Украины что ли?

Пушкин. Почему с Украины?

Называетель. Да это я так... А родители дома без денег, да? А она им деньги шлет? Родители-то кто?

Пушкин. Отец – военный, капитан...

Называетель. Да, военные сейчас – это... Это сложно сейчас у военных...

Пушкин. Вобщем, она – капитанская дочка...

Называетель. О! Так и назови!

Пушкин. Правда?

Называетель. Конечно! А чего тебе?

Пушкин (доставая портмоне). Ну, спасибо. Выручил так выручил...

Называетель. Ты чего это, чего?

Пушкин. Как? Гонорар...

Называетель. Брось! Сам назвал, сам!

Пушкин (убирая портмоне). Ну... спасибо.

Называетель. Хорош... А давай махнем часов в восемь в «Палкин»? Бургундского выпьем, в сауну сходим, к девочкам... Что?! Ну, извини, извини.

Пушкин срывается с места и в гневе выбегает за дверь.

Называетель (себе под нос). Ну, забыл, забыл... Вот что значит – женатый человек... *(вскакивает с места, распахивает дверь, кричит)*

Наталье Николаевне привет!

На пороге появляется Гоголь.

Называетель (немного смутившись). Здравствуйте, Николай Васильевич! Проходите.

Гоголь (проходит). Здравствуйте.

Называетель. Написали?

Гоголь. Написал.

Называетель. Присаживайтесь. А про что?

Гоголь (присаживается). В двух словах не объяснишь...

Называетель. Ну, надо же с чего-то начинать!

Гоголь. Постараюсь... Это – про Россию, про Русь... Про людей ее, про судьбу и душу...

Называетель (вполголоса). Вот заносит снова. *(в полный голос)* Поконкретнее, Николай Васильевич, поконкретнее.

Гоголь. Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа.

Называетель. А, черт! Кто главный герой?

Гоголь. Помещик средней руки.

Называетель. Род занятий?

Гоголь. Ну...

Называетель. Ну что он у вас в основном делает?

Гоголь. Души скупает...

Называетель (изумленно). Души? Ну вы даете, Николай Васильевич! Он что, Сатана что ли?

Гоголь. Господь с вами! Почему Сатана? Под душами имеются в виду крепостные. Причем даже мертвые...

Называетель. Мертвые души? Не ожидал я от вас этого... А впрочем, что ж. Мистика сейчас в ходу...

Гоголь. Это не мистика. Главный герой плут, аферист. Какая же тут мистика?

Называетель. Аферист? Душами банкует?

Гоголь. Что?

Называетель. Да это я так... Так назови «Афера Томаса...» А черт! Как героя-то зовут?

Гоголь. Чичиков, Павел Иванович.

Называетель. Ну, назови «Афера Павла Чичикова».

Гоголь. Нет. Уж лучше – «Мертвые души».

Называетель. Ну, как хочешь...

Гоголь встает и направляется к двери.

Называетель. Э, куда?! А платить кто будет?

Гоголь (с достоинством). Сам назвал...

Уходит.

Называетель (зло). Сам, значит? Значит, мы сами с усами? Самостоятельные стали все! «Мертвые души» – «какая мистика, какая мистика»?! ... А еще верующий, православный...

Подходит к окну, приоткрывает его и нервно закуривает. Раздается стук в дверь.

Называетель (раздраженно). Кто?!

Дверь приоткрывается, заглядывает Чехов.

Называетель (успокаиваясь). А, Антон! Заходи, заходи...

Чехов заходит.

Называетель (расстроено). Вот, Антон... Работаешь, работаешь... В поте лица, можно сказать... А пройдет лет пятьсот... да что там пятьсот – четыреста – и кто о тебе вспомнит? (выглядывает в окно и внезапно оживляется) О! Ты посмотри!

Чехов. Что?

Называетель (восхищенно, вытягивая шею). Какая!

Чехов. Кто?

Называетель (нетерпеливо, Чехову). Да подойди сюда! Какая женщина!

Чехов подходит к окну, выглядывает на улицу.

Называетель (восторженно). Какая грудь! А походка! Прямо барыня-сударыня какая-то! Мадам!

Чехов. Да где?

Называетель. Да вон же, с собачкой!

Чехов. А! Да... Ну, я пожалуй пойду.

Называетель. Уже? А чего приходил-то?

Чехов. Да, так, обсудить хотел кое-что, а тут мысль пришла, обдумать надо.

Уходит.

Называетель (с недоумением). Ну, смотри сам...

Выдвигает ящик стола, достает оттуда увесистую пачку долларов и, напевая себе под нос «Антошка, Антошка, пойдём копать картошку», начинает пересчитывать деньги. Занавес опускается.

О вращении сфер земных *Пьеса в одном действии*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Николай Коперник – каноник Вармии, врач и астроном.

Ян Дантишек – епископ Вармии.

Георг Ретик – ученик Коперника.

Фелиция – экономка Коперника.

Действие происходит во Фромборке, осенью 1540 года.

Комната с окном и дверью. Справа стол, заваленный рукописями, картами звездного неба и самодельными астрономическими приборами. Рядом потухший камин. Посередине обеденный стол, накрытый на две персоны. В кресле, опустив голову и прикрыв лицо руками, сидит Коперник – худощавый человек 67 лет. В дверь стучат.

Коперник (*выпрямляясь, отнимает руки от лица*). Да-да...

Дверь открывается и в комнату заходит Ретик, сразу за ним Дантишек. Ретик 25 лет, он изящно и щегольски одет; на его поясе шпага, эфес которой он твердо сжимает правой рукой. Дантишеку 57 лет, он облачен в наряд епископа, двигается степенно и неторопливо. Дантишек слегка подталкивает Ретика, понуждая того идти впереди себя.

Дантишек (*Копернику*). Прошу прощения, брат мой! Вы молились...

Коперник (*встает, слегка кланяется*). Нет, Ваше Преосвященство, я размышлял. По счастью, одно другому не мешает... (*Приветственно кивает Ретику.*) Здравствуйте, Георг!

Дантишек. Я зашел, чтобы узнать у Вас... Пан (*кивает на Ретика*) назвался Вашим учеником. Это правда?

Коперник. Да, я учу его астрономии...

Дантишек. Надеюсь, что только астрономии...

Коперник. Что Вы имеете в виду?

Дантишек (*возмущенно*). Пан позволил себе некоторые вольности в мой адрес... Можно сказать, оскорбил святую церковь в моем лице. Слава богу, без свидетелей! И я бы настоятельно рекомендовал Вам...

Ретик порывается говорить.

Коперник (*предостерегающе машет рукой*). Помолчите, Георг! (*Дантишеку*) Что же случилось?

Дантишек. ...при всем уважении к Вам, брат мой... Если так пойдет дальше – церковного суда не избежать... Не мне объяснять Вам, что это такое...

Коперник. Так что же произошло?

Дантишек. Пан назвал меня выдающимся стихотворцем! А затем зачитал вслух некие вирши, которые пытался приписать мне! А потом...

Коперник (*мягко перебивая*). Как Вы себя чувствуете, Ваше Преосвященство?

Дантишек. Не заговаривайте мне зубы, брат мой! (*Хватается за щеку, стонет.*) Плохо... Я загляну к Вам попозже... Надеюсь, Вы назначите мне лечение. Да пребудет с нами Господь!

Уходит.

Пауза.

Коперник (*Ретику*). Значит, теперь оскорбление святой церкви... А в прошлом месяце Вы чуть не сцепились с прихожанами костела... Вижу, Вас из дому выпускать нельзя!

Ретик. Честно говоря, я хотел сделать комплимент Его Преосвященству...

Коперник. Его Преосвященство не любит, когда читают его стихи! Сейчас он пишет церковные гимны...

Ретик. Но ведь он действительно писал стихи! И даже талантливые!

Коперник. Его Преосвященство не любит, когда вспоминают его прошлое. Возможно, он и сам пытается его забыть.

Ретик. Пан Николай! А Вы сами писали стихи?

Коперник. Писал, но вовремя оставил. Бог не наградил меня поэтическим даром.

Ретик. Ну, Вам занятий и без того хватает. Вы и врач, и математик, и астроном...

Коперник. Ладно, ладно! Вы же знаете, я не единственный служитель церкви, который врачует и занимается науками.

Ретик. Знаю! Но Вы единственный, кто... (*подбирает слова*) кто... кто...

Коперник. Спасибо за похвалу! Успокойтесь. Скажите, наконец, что на Вас сегодня нашло?

Ретик. Я много думал о Вас. И о Ваших трудах.

Коперник. И что же надумали?

Ретик. Пан Николай! Опубликуйте Вашу рукопись!

Коперник (*отворачивается и подходит к окну*). Яблоки в этом году хорошо уродились...

Ретик (*насмешливо*). Черных кошек в городе тоже полно...

Коперник. Это Вы к чему?

Ретик. Видел я сегодня одну бабу... С рынка шла... Шла себе, шла... и повернула обратно из-за какой-то черной кошки, перебежавшей дорогу. Дома, небось, дети голодные сидят, а она от кошек бежит...

Вбегают Фелиция, творя молитву, с корзиной в руках.

Ретик (*с удивлением глядя на Фелицию*). Однако! Не ожидал! (*Поворачивается к Копернику и показывает рукою на Фелицию.*) Но... как? Она? И у Вас?!.. (*Отходит в сторону, присаживается на стул, внимательно разглядывая Фелицию.*)

Фелиция. Простите, пан Николай, я помешала Вам... Вы размышляли?

Коперник. Нет, я ждал! И жду Вас уже около часа! Что случилось?

Фелиция. Я не смогла раньше... В городе так много злых людей! Я не хотела с ними сталкиваться...

Коперник. Перестаньте нести чепуху! Вы повторяете всякий вздор! Что за злые люди?! И потом... (*Подходит к столу с картами и поднимает со стола пучок травы.*) Во что Вы превращаете мой дом? Зачем Вы положили это сюда, Фелиция, зачем?

Фелиция. Не гневайтесь, пан Николай! Это от слеза...

Коперник. Спасибо, но мне это не нужно. Уберите! (*Протягивает пучок Фелиции.*)
А это что такое? (*Вытаскивает из-за стопки книг еще один пучок.*)

Фелиция. Это трава святого Иоанна! Это от обмана!

Коперник. От какого обмана?

Фелиция. Ото всякого, бесовского и человеческого!

Коперник. А нас кто-то пытается обмануть?

Фелиция. Обмануть может всякий! А торговка травами сказала мне, что...

Ретик (*Фелиции*). А Вы уверены, что сама торговка Вас не обманула?

Фелиция застывает на месте.

Ретик. Ну же?!

Фелиция (*вздрагивая*). А! Ну, я не знаю...

Ретик. А Вы узнайте! Сходите к соседней торговке!

Фелиция (*кланяясь, пятится спиной к двери*). Благослови Вас Господь! Спасибо за совет, добрый господин!

Ретик. Только учтите, что и она может обмануть!

Фелиция (*останавливаясь*). И что же мне теперь делать?

Ретик. Выбросите свой веник!

Фелиция (*отрицательно качая головой*). Не-ет! Сегодня я видела черную кошку!.. Она сидела посреди дороги и смотрела на меня своими зелеными глазами!..

Коперник. Ну и что?!

Фелиция. Простите, пан Николай! Но Ваша прежняя экономка, пани Анна... та, что была здесь до меня... Говорят, она была ведьмой!

Коперник. Перестаньте нести чепуху!

Фелиция. Говорят, она Вас... околдовала.

Коперник. Повторяю Вам...

Фелиция. И Его Пресвященство так говорит! Вот! (*Довольно улыбается, вытаскивает из своей котомки пучок сушеной травы и кладет его на стол перед Коперником.*) Это – от порчи!

Коперник. Господи! Уберите!

Фелиция. Так чем же Вас околдовала пани Анна? Я только затем спрашиваю, чтобы защитить Вас!

Коперник. Повторяю Вам...

Фелиция. Так все говорят! Она – ведьма! Чем она Вас околдовала? Я должна знать! (*Вытаскивает из котомки берцовую кость.*) А вот это – от...

Коперник. Хорошо, околдовала...

Фелиция замирает в ожидании.

Коперник. Чем?.. Если Вам так угодно – любовью!

Фелиция. Любостью? (*Бросает кость обратно в котомку.*) Нет, я просто спросила, чтобы... (*Растерянно убирает со стола первый пучок травы к себе в котомку.*) ...любовью?.. (*Убирает второй пучок.*) ...я бы так никогда не посмела...

Ретик. А у Вас и не получится!

Фелиция. Но Вы же позволите разжечь камин? (*Берет в руки горшок.*)

Коперник. Вы собираетесь готовить обед?

Фелиция. Какой же это обед, пан Николай?! Вот я насыплю сюда иголок (*достает из котомки иглы и засыпает их в горшок*) и добавлю дубовых листьев (*засыпает горсть листьев*). Ученые люди, а не знаете такой простой вещи!

Коперник. Какой?!

Фелиция (*восторженно*). Смесь из иголок и дубовых листьев – лучшее средство для опознания ведьмы! Поместите такую смесь в горшок и поставьте его на очаг! Первый, кто войдет в дом с таким очагом, – ведьма! (*Ставит горшок на очаг и раздувает огонь.*)

Ретик. Что-о?! А если войду я?!

Фелиция. Тогда Вы ведьмак! Колдун! Ох вы, звездочеты! Как дети малые!

Коперник. Перестаньте, Фелиция. У нас есть свои заклинания! С ними нам не страшна никакая порча! (*Ретик.*) Георг, дайте мне таблицу аномалии Солнца!

Ретик. Вы хотите вычислить уравненную величину?

Коперник (*вставая*). Совершенно верно! И если простафарезы Луны и Солнца будут в разные стороны, то тем более будет предшествовать светилу с вычитаемым простафарезом...

Ретик (*понимающе кивает головой, подает Копернику несколько листов бумаги*). И сумма этих простафарезов даст расстояние между светилами!

Коперник. Вот именно! (*Выглядывает в окно.*) Когда же с залива уйдет туман?!

Фелиция (*отшатываясь*). А в Ольштыне, говорят, навели град на поля...

Коперник (*оборачиваясь к Фелиции*). Что?! (*Ретик*) Я хочу убедиться в том, что первый эпицикл, двигаясь против направления вращения деферента, делает с ним одинаковое количество оборотов...

Фелиция. Что?! (*потясь к двери*) Позвольте мне удалиться, пан Николай!

Коперник. Конечно, Фелиция! Только принесите нам яблок!

Фелиция выходит.

Ретик (*кивает на дверь, из которой вышла Фелиция*). Вот Вам типичный представитель нашего народа! Свято верит во всякую чепуху! И при этом на каждом шагу боится, что ее обманут! Но, видно, кто-то ее уже обманул... причем на всю оставшуюся жизнь... А она и не догадывается. И все время спешит, спешит... если, конечно, ей на дороге не встретится черная кошка! О, тут она будет стоять как вкопанная, будьте покойны!..

Коперник. Будет Вам, Георг! Она несчастная женщина! Я лечил ее на днях...

Ретик. О да! Вы всех лечите! И у Вас все несчастные! У Вас все добрые! А вот как подсыплет такая добрая Вам в суп мышьяк вместо соли... Просто так, по незнанию, не со зла...

Коперник. Тогда я уже не буду здесь сидеть.

Ретик. Вот именно! А Вы нужны мне! И не только мне! Вы нужны людям!

Коперник. Так ли уж нужен?

Ретик. Не цените Вы себя, не цените! (*начинает ходить по комнате.*) Подумать только: сотни лет люди верили, что Солнце вращается вокруг Земли! А Земля неподвижно стоит в центре мироздания. А ведь человек есть соль земли! И вот Вы – Вы! – подсчитали и доказали, что все совсем наоборот! И Земля не центр мироздания! И мы – люди! – не в центре! В центре – Солнце! Вы проявили большую научную смелость, чтобы...

Коперник. Хватит, Георг, хватит! «Научная смелость»! Да, наша наука молода и нуждается в поддержке... Да, нам нужно быть не только разумными, но и смелыми. Но откуда взялось это сочетание – «научная смелость»? Не понимаю! И уж если говорить о смелости... Представьте себе, Георг, толпу досужих зевак, готовых унижить Вас только потому, что они ничего не понимают в том, что Вы говорите! Представьте, что многомесячные труды идут насмарку из-за незамеченной вовремя ошибки в расчетах! Представьте, что Вы неделями томитесь в ожидании чистого звездного неба, чтобы произвести нужные наблюдения! Туманы и облака здесь

появляются часто... И если уж нужна смелость, чтобы преодолеть все это и продолжать свою работу, – эта смелость простая, человеческая, а не какая-то там... «научная»!

Ретик. Но ведь Вы все преодолели и дошли до конца!

Коперник. До конца?! (*Усмехаясь.*) До конца... Не думаю, что мое открытие так уж повлияет на доходы торговли травами... Была бы прибыль! А без нее она и левую руку от правой не отличит... Вы переоцениваете мой труд.

Ретик. Не смейтесь, пан Николай! Я и не говорю, что все прямо так сразу и поймут Ваше открытие! Я и не говорю, что оно всем нужно сегодня! Но, поверьте мне, пройдет еще лет пятьдесят – сто, и Вы не узнаете этот мир! Небо станет ближе к земле! И я верю, настанет тот час, когда человек ступит на поверхность Солнца! И произойдет это благодаря Вам!

Коперник. Я лечил многих людей, Георг... Все чаще я думаю, что это было лучшее в моей жизни...

Ретик. Неправда! Вы лечили тела, Его Преосвященство – души... Не знаю, как это ему удастся... Кто-то должен взяться за разум! И Ваша рукопись – лекарство от глупости! Это дорогого стоит!

Коперник. Мои расчеты далеко не так точны, как мне бы хотелось...

Ретик. Простите, пан Николай, но мне кажется, что Вы просто упрямитесь! Этого я не понимаю! Вы уже сделали все, что могли. Чего же еще? Чего Вы хотите?

Коперник (*подходя к окну*). Я хочу, чтобы с залива ушел туман... Хочу, чтобы мне привезли новую астролябию из Кракова от пана Полонского... Говорят, он создает хорошие астролябии... И... сказать Вам правду? (*Смущенно улыбается.*) Я устал. И я... я хочу яблок...

Ретик. Вы все о яблоках! Послушайте, пан Николай, в Нюрнберге есть замечательная типография! Я Вас прошу, просто умоляю: дайте мне рукопись, и очень скоро она превратится в книгу! Ее прочитают все, кто умеет читать!

Коперник. Ну что же Вы так к ней прицепились? Вам-то она зачем?

Ретик. Мне?... Время спит! Я хочу его разбудить! Хочу увидеть удивление на окружающих меня лицах! Да-да, не смейтесь! Поверьте, я буду счастлив, когда с лиц всех этих крестьян и торговцев исчезнет выражение покорности, которое меня просто бесит! Когда с лиц всех этих епископов и баронов исчезнет выражение самодовольства, которое бесит меня не меньше! Когда все поймут, что наш мир вращается вокруг не только церкви и рыночной площади! Когда люди поймут, что...

Коперник. Вы женаты, Георг?

Ретик. Вы снова смеетесь... Понимаю. Нет, не женат! А на ком? Природа сказала женщине: будь прекрасной, если сможешь; мудрой, если хочешь, но благоразумной ты должна быть непременно. Где Вы сегодня видели благоразумных женщин?

В комнату робко входит Фелиция. Она поддерживает подол, наполненный яблоками.

Фелиция. Вы позволите, пан Николай? Я принесла яблок.

Коперник. Спасибо, Фелиция!

Фелиция (*кивая головой на очаг*). Кто-нибудь заходил?

Ретик. Кроме Вас – никто! Так что Вы первая! (*После паузы, с притворным ужасом.*) Как?! Значит, Вы и есть та самая ведьма, которую все мы ждем с таким нетерпением? А позвольте узнать: как давно Вы были на последнем шабаше? (*Копернику.*) Да, пан Николай, не везет Вам на экономок!

Фелиция непонимающе смотрит то на Ретика, то на Коперника. Затем на ее лице отображается ужас. Фелиция падает перед Ретиком на колени, яблоки высыплются из ее подола.

Фелиция (*целует руки Ретика*). Нет, нет, нет! Я бы никогда не осмелилась! Я причащаюсь каждый день! Я исповедуюсь каждый день! Я молюсь каждый день! Разве ведьмы умеют молиться? Вот, послушайте! Отче наш, иже еси на небеси...

Ретик (*отшатываясь*). Господи, да что же это такое?!

Коперник. Прекратите! И оставьте меня! Оба!!!

Фелиция (*поднимаясь с колен*). Простите, пан Николай, я бы никогда не...

Ретик. Я же пошутил!

Коперник (*взмахивая рукой*). Уйдите! (*Ретика*.) Георг! И принесите мне перья и чернила...

Фелиция и Ретик уходят.

Коперник напряженно смотрит на затворившуюся дверь. Затем встает и подходит к лабораторному столу. Бережно берет в руки астролябию, поднимает ее над собой и смотрит через нее вверх.

Дверь приоткрывается. Входит Дантишек.

Дантишек. Прошу прощения, брат мой, что я без предупреждения. Вы размышляли?

Коперник (*оборачиваясь*). Нет, Ваше Преосвященство, я вспоминал. И как раз собирався обедать... Прошу Вас разделить со мной эту скромную трапезу.

Дантишек. Благодарю! (*Смотрит на стол, указывает на него рукой*.) Я смотрю, тут накрыто на двоих? Вы ждали меня?

Коперник. Нет, Ваше Преосвященство. Последний год я уже никого не жду. А то, что на двоих, – так это по привычке...

Дантишек. Брат мой, я уже третьи сутки не могу ни спать, ни есть! (*Тычет себе пальцем в челюсть*.) Опишите мне подробный состав, исцеляющий от зубной боли!

Входит Ретик. Увидев Дантишека, он останавливается и делает резкий, отрывистый поклон.

Ретик. Добрый... день... Ваше Преосвященство!..

Дантишек. Добрый день... сын мой. Чувствую, мне придется к Вам привыкать...

Ретик. Это будет несложно, Ваше Преосвященство! (*Копернику*.) Пан Николай! (*Протягивает связку перьев и склянку чернил*.) Вот!

Коперник. Спасибо, Георг.

Дантишек. Так вот кого Вы ждали, брат мой!

Ретик. Я, пожалуй, пойду!

Коперник. Оставайтесь, Георг! Вы, наверно, голодны? Можете отобедать у меня...

Ретик. Благодарю! (*Садится за стол*.) Я действительно проголодался!

Дантишек (*поворачиваясь к двери*). Не буду вам мешать.

Коперник. Ваше Преосвященство!

Дантишек (*останавливаясь, недовольно*). Что?!

Коперник. Второй прибор я приготовил для Вас.

Дантишек (*расплываясь в улыбке*). Правда? (*Садится напротив Ретика, обращаясь к Копернику*.) А как же Вы?

Коперник. Мне не хочется есть... А вам я налью травяного отвара... (*Подходит к шкафу и, сгорбившись, наливает отвар из кувшина в кружку*.)

Дантишек (*Ретика*). Сын мой!

Ретик. Да?..

Дантишек. Ведь Вы учились в университете?

Ретик. В университете...

Дантишек. В Фельдкирхе?

Ретик. В Фельдкирхе...

Дантишек. Вы не застали там профессора Полонского?

Ретик. Не застал...

Дантишек. Он преподавал в Фельдкирхе...

Ретик. Понимаю...

Пауза.

Дантишек. А потом Вы учились в Виттенберге?

Ретик. В Виттенберге...

Дантишек. Вы не застали там профессора Полонского?

Ретик. Не застал...

Коперник ставит рядом с Дантишекком кружку. Дантишек кивает в знак признательности.

Дантишек. А потом был Цюрих?

Ретик. Я не знаком с профессором Полонским!

Дантишек. Жаль, жаль... А ведь профессор Полонский – выдающийся человек! Знаток античности! Disce, sed a doctis, indoctos ipse doceto... У знающих учишь, незнающих сам учи.

Ретик молчит. Коперник отходит обратно к лабораторному столу, с которого берет лист бумаги и чернильницу.

Дантишек. Что же Вы молчите? Совсем недавно Вы так красноречиво пытались убедить меня в том, что я сочинял стихи в честь Эроса! И Вам это почти что удалось.

Ретик. Боюсь, мои мысли будут Вам неинтересны...

Дантишек. Отчего же, сын мой? Вы обладаете светлым разумом. Слушать людей, подобных Вам, всегда отраднo.

Ретик (*польщенно*). Благодарю, Ваше Преосвященство! Мне бы только не хотелось, чтобы меня превратно поняли!

Дантишек. Не беспокойтесь, сын мой! Я пойму так, как нужно.

Ретик. Я хочу сказать... *Dediscit animus sero, quod didicit diu.* Не скоро забывается то, что долго заучивалось. Вот Вы все время говорите о пане Полонском. А вокруг нас огромное число людей, которые всю свою жизнь повторяют одно и то же. Как слова молитвы, они повторяют то, чему их научили! Совершенно не думая! И, если уж честно, совершенно не веря в то, о чем говорят! И я очень хочу надеяться, что пан Полонский не относится к числу таких людей!

Дантишек. Пан Полонский – умнейший человек. В Краковской академии он преподавал как медицину, так и правоведение. О его начитанности ходят легенды!

Ретик. Ну конечно! Начитанность! Я тоже обучался в университете и – поверьте мне – повидал много «начитанных»... Они подобны пирогам: чем их начиняют, то и носят в себе. А знают ли они хотя бы сколько ног у мухи?

Дантишек. В двадцать лет он написал свою первую диссертацию! (*Осекаясь.*) Сколько ног... у кого?

Ретик. У мухи! Спросить бы при случае пана Полонского! Он ответит, что восемь, уверен! А почему? А потому, что так его учили! И его учителей! И учителей его учителей! Конечно, ведь сам Аристотель так считал! А вот самому поймать и подсчитать – так нет!

Дантишек. А сколько ног нужно Вам?

Коперник. Прошу меня простить. *(Садится во главе стола и начинает записывать рецепт.)*

Ретик. Мне? Столько, сколько их на самом деле! Вы позволите, Ваше Преосвященство? *(Поспешно встает из-за обеденного стола, подходит к лабораторному, роется в куче приборов и свитков и, наконец, достает закупоренную колбу.)* Вот, взгляните!

Дантишек *(настороженно глядя на колбу).* Что это?

Ретик *(ставит колбу рядом с тарелкой епископа).* Муха! Можете пересчитать сами!

Дантишек *(с брезгливой гримасой отодвигает колбу, встает из-за стола).* Спасибо, я уже сыт! И знаете, меня никогда не интересовали такие мелочи... А в Вашем возрасте я интересовался не мухами, а кое-чем другим...

Ретик *(забирает колбу, чуть не плача).* Но ведь у мухи шесть ног! Это правда! Правда!!!

Дантишек. Вы считали?

Ретик. Считал!

Дантишек. Сами?

Ретик. Сам!

Дантишек. Но зачем?

Ретик. Я хотел узнать правду!

Дантишек *(задумчиво).* Вы женаты?

Ретик. Господи, и Вы туда же! Хорошо, давайте по-другому. Вы помните еще, как шатается молочный зуб?

Дантишек хватается за щеку и морищится.

Коперник осторожно дует на рецепт и кладет его рядом с Дантишеком.

Ретик. А я помню! Мне всегда хотелось выдрать его самому, не дожидаясь... Я расшатывал зуб, царапал язык до крови... И я выдирал! *(Показывает на себе, как это делается.)* Оно, кстати, и безопаснее: во сне не выпадет, не подавишься... И вот: весь наш мир – это молочный зуб!

Коперник *(предостерегающе).* Георг!

Ретик. Он давно шатается! Его нужно выдрать!

Коперник. Георг!!

Дантишек *(Копернику).* Ничего, брат мой, ничего! *(Ретик.)* Так, значит, выдрать? С кровью?

Ретик. Как получится...

Дантишек. А Вы далеко пойдете! Сначала – мухи. Теперь – зубы...

Коперник. Георг! Будьте добры, подготовьте смотровую площадку. Ведь небо когда-нибудь очистится.

Ретик кивает. У двери он останавливается, поворачивается к Копернику, желая что-то сказать, но только машет рукой и выходит.

Дантишек *(вставая из-за стола).* А он мне почти что понравился! Похож на нас в молодости... Стремительный... *(Заходит к Копернику за спину и кладет ему руки на плечи.)* Ведь если вспомнить, и мы и дрались, и любили... Я с Вами чуть на дуэли не подрался! Помните?

Коперник. Из-за дочери купца с улицы Плотников? Ну, когда это было...

Дантишек. И на звезды когда-то вместе смотрели...

Коперник. А почему «когда-то»?

Дантишек (*убирая руки с плеч Коперника*). Вы-то продолжаете. Вас все звезды занимают. А я больше с людьми.

Коперник. Не делайте вид, что считаете меня ученой крысой, которая не видит вокруг ничего, кроме своей норы. Вы, думаю, прекрасно знаете, что именно я возглавил оборону города во время войны с крестоносцами. В то время как кое-кто (*показывает пальцем за свое правое плечо*) отсиживался в безопасности...

Дантишек. Конечно, конечно...

Коперник. А эпидемия чумы? Скажу, не хвастаясь: как врач я сделал все что мог...

Дантишек. Ну конечно, конечно... Но одно дело – чума и крестоносцы. А другое – наши князья и епископы. (*Усмехаясь.*) Последние-то посерьезнее будут. Пострашнее, я бы сказал.

Коперник. Вы правы. Княжеских дворов и так называемого «высшего» общества я старался избегать.

Дантишек. Вот-вот... Это Вы, брат мой, стали каноником под покровительством Вашего дяди. Это Вас избрали каноником заочно, пока Вы учились в Италии. Это Вы приехали сюда к накрытому столу... и очень хорошо накрытому... уж извините меня за откровенность! Мне же приходилось самому карабкаться. С подножия горы к ее вершине! Самому! Ох, каких типов я только не насмотрелся! Прихлебал, предающих своих покровителей при первой опасности! Словоблудов, прикрывающих потоками слов пустоту своих душ! Лицемеров, обнимающих рукой, в которой зажат нож!

Коперник. Мне казалось, Вы всегда прекрасно с ними уживались...

Дантишек. И уживаюсь! А что делать? Приходится... А времена изменились... Да, я стал лучше разбираться в людях...

Коперник. И что же люди?

Дантишек. Люди? Люди – корыстны!

Коперник. Не слишком ли Вы упрощаете людей?

Дантишек. А зачем усложнять? Вы же сами стремитесь к простоте! Земля в центре мироздания Вас, видите ли, не устраивает! Заменяем ее Солнцем – так проще будет! Ведь так Вам кажется?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.